
С. Г. ПИЛЕЦКИЙ

АНАТОМИЯ МЗДОИМСТВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Данная статья посвящена очень непростой и весьма остро стоящей проблеме – проблеме коррупции. Она сегодня активно обсуждается на самых разных уровнях: от бытового до высшего государственного. Автор постарался подойти к ней комплексно: от исторической подоплеку и философских оснований до эмоционально-психологических мотиваций и правовой плоскости. Особо стоит отметить стремление автора не ограничиться теоретизацией, а предложить нечто практическое.

Ключевые слова: мздоимство, коррупция, дискреционные полномочия, «должностная рента», алчность, честь.

Мздоимство. Коррупция. Трудно, пожалуй, отыскать проблему более актуальную, более насущную, более злободневную, вызывающую не только больший интерес, но и больший накал страстей. С этим мы живем, этому мы все, к сожалению, неблагодарные свидетели, а порой, приходится признать, вольные или невольные участники. И это уже порядком надоело. Так что проблема сия требует особого к себе внимания, особого отношения и особого к себе подхода – системного, неспешного, методического и обстоятельного. Кстати говоря, уметь смело и умело «забалтывать» ее – верный признак грамотного, квалифицированного коррупционера. Опытный, умудренный жизнью мздоимец понимает – и жизнь подтверждает это, – что хоть рыба и тухнет с головы, но чистят-то ее с хвоста. Царь и мудрец Соломон любил говаривать: «Все проходит, пройдет и это». Так и тут: всякая там разная «кампанейщина» проходит, а живая, плодотворная жизнь остается. Надо только нагнуться пониже, и волна пройдет мимо.

Начать вникать в проблему стоит с семантики, и это, вероятно, и было бы проявлением насущной системности, неспешности и методичности. А именно с несправедного вопроса: о чем, собственно, *Философия и общество, № 2, апрель – июнь 2012 90–106*

речь? Задействуя энциклопедические сведения, узнаем, что «мздоимство» происходит от старославянского слова «мзда», то есть плата, а «коррупция» – от латинского глагола «согитреге» – «портить», «растлевать». Получается, что мздоимство – это механизм реализации коррупции. Не говоря уже о «мздоимстве», «коррупция» – тоже не вполне юридический термин, обычно обозначающий использование должностным лицом своих властных полномочий, служебных обязанностей и доверенных ему прав в целях извлечения личной выгоды, противоречащее законодательству. Чаще данный термин употребляется по отношению к бюрократическому аппарату и политической элите. Характерным признаком мздоимства и коррупции является конфликт между действиями должностного лица и интересами его работодателя либо конфликт между действиями выборного лица и интересами общества. Многие виды коррупции аналогичны мошенничеству, совершаемому должностным лицом, и относятся к категории преступлений против государственной власти.

Коррупции может быть подвержен любой человек, обладающий дискреционной властью, то есть властью над распределением не принадлежащих ему ресурсов по своему усмотрению (чиновник, депутат, судья, сотрудник правоохранительных органов, администратор, экзаменатор, врач и т. д.). Главным стимулом коррупции является возможность получения экономической прибыли (так называемой «должностной ренты»), связанной с использованием властных полномочий, а главным сдерживающим фактором – риск разоблачения и наказания.

Обычно считают, что исторические корни мздоимства восходят к обычаю делать подарки, чтобы добиться расположения (а скорее всего, и еще глубже – к обряду жертвоприношения). Дорогой подарок заметно выделял человека среди других просителей и способствовал тому, чтобы его просьба была удовлетворена. Поэтому в первобытных культурах плата шаману, жрецу или вождю была привычной социальной нормой. По мере усложнения государственного аппарата и усиления централизованной власти появился все возрастающий штат профессиональных чиновников, которые, по замыслу правителей, должны были довольствоваться только фиксированным жалованием. На практике же чиновники всячески

стремились компенсировать свою «ущербность» и старались «похозяйски» рачительно использовать свое положение для скрытого восполнения своих доходов.

Первым правителем, о котором сохранилось упоминание как о борце с мздоимством, был Урукагина – шумерский царь города-государства Лагаша во второй половине XXIV в. до н. э. Несмотря на показательные и весьма жестокие наказания за коррупцию, борьба с ней не приводила к желаемым результатам. В лучшем случае удавалось предотвратить наиболее тяжкие и вызывающие преступления, однако на уровне мелких растрат и взяток мздоимство процветало и носило практически массовый характер. Первый трактат с обсуждением темы коррупции – «Артхашастра» – решил опубликовать под псевдонимом Каутилья один из министров Бхараты (Индия) в IV веке до н. э. В нем делается, надо сказать, весьма малообнадёживающий вывод, что имущество царя не может быть, хотя бы в малости, не присвоено ведающим этим имуществом.

Время шло, и со второй половины XX столетия становилось все более очевидным, что коррупция стала превращаться в международную, если не сказать – в глобальную, проблему. Подкуп корпорациями высших должностных лиц за рубежом своих стран стал приобретать повсеместный и массовый характер. Мало того, стали возникать не только транснациональные корпорации, но и транснациональные преступные синдикаты. Всепроникающая глобализация привела к тому, что коррупция в одной стране стала немедленно и негативно сказываться на экономическом развитии многих стран. При этом государства с наиболее высоким уровнем коррупции более уже не ограничивались только третьим миром: процесс либерализации в бывших социалистических странах в 1990 гг. сопровождался небывалыми, беспрецедентно вопиющими должностными злоупотреблениями. Весьма показательным, что в своем выпуске от 31 декабря 1995 г. газета «Financial Times» громогласно и безапелляционно объявила 1995 г. «годом коррупции». И, как следствие происходящих в мире нежелательных процессов, для пропаганды знаний о коррупции и противодействия ей ООН учредила даже Международный день борьбы с коррупцией.

Разные проявления мздоимства имеют различную этическую окраску: одни деяния считаются явно преступными, другие – всего

лишь безнравственными. К последним, как правило, относятся кумовство (непотизм) и покровительство на основе тех или иных политических предпочтений, нарушающие принцип меритократии. Следует также отличать коррупцию от официального лоббизма. При лоббировании должностное лицо также использует свои властные полномочия для повышения шансов переназначения или продвижения по служебной лестнице в обмен на действия в интересах определенной группы. Отличие состоит в том, что лоббизм должен удовлетворять следующим трем условиям:

- 1) процесс оказания влияния на должностное лицо носит конкурентный характер и идет по правилам, известным всем участникам;
- 2) отсутствуют тайные или побочные платежи;
- 3) клиенты и агенты независимы друг от друга в том смысле, что никакая группа не получает долю от прибыли, заработанной другой группой.

Самые тяжкие и опасные формы мздоимства квалифицируются как уголовные преступления. К ним прежде всего относятся растраты (хищения) и взятки. Растрата состоит в расходе ресурсов, доверенных должностному лицу, с целью личной выгоды. Она отличается от обычного воровства тем, что изначально лицо получает право распоряжаться ресурсами легально. Взятка является разновидностью коррупции, при которой действие должностного лица заключается в оказании каких-либо услуг физическому или юридическому лицу в обмен на вознаграждение последнему или извлечение им из этого определенной выгоды. В большинстве случаев, если дача взятки не является следствием вымогательства, основную выгоду от сделки получает взяткодатель.

Наиболее распространена децентрализованная (внешняя) коррупция, когда сделка заключается индивидуально между должностным и частным лицом. Однако добавление внутренней коррупции – между членами одной организации – придает ей черты организованной преступности. Согласно законам бихевиоризма, попадая в коллектив, индивид в подавляющем большинстве случаев либо с готовностью перенимает, либо вынужден перенимать правила поведения, которые в этом коллективе приняты. Рельефным и ярким выражением подобного «миропорядка» выступают широко распространенные, расхожие пословицы и поговорки, такие как,

например, «С волками жить – по-волчьи выть» и «В чужой монастырь со своим уставом не ходят». Народ, как известно, зря не скажет. Поэтому если внутриведомственная культура такова, что по отношению к взяткам царит атмосфера благодушия, порой безответственности при решении служебных вопросов, отсутствие гласности при обсуждении проступков сотрудников, то с весьма большой долей вероятности «новиций» примет такие правила и такое поведение как нормальное и будет следовать ему в дальнейшем. Распространение мздоимства среди чиновников приводит к тому, что в нем оказываются заинтересованными и начальники, и подчиненные. Это обычно обозначается как «круговая корпоративная порука».

Данная система достаточно устойчива и этим обеспечивает стабильность коррупционной деятельности. Например, можно столкнуться с принципом «корпоративной презумпции добросовестности», означающим, что шансы уличить ее сотрудника в неправомерных действиях ничтожно малы. На практике подчиненные делят взятки не только с начальством, но и между собой. Конечным итогом является формирование специфических для коррупции «внутренних рынков», экономических механизмов и регулятивов. В частности, возникают позиции с особенно высокими нелегальными доходами. Конкуренция между чиновниками за такие позиции формирует внутренний «рынок труда». По мере развития мздоимства происходит некоторая централизация «рынка», начиная с уровня отдельных ведомств, когда чиновники вырабатывают заранее оговоренные тарифы за принятие конкретных решений, чтобы снизить внутреннюю конкуренцию за каждую взятку и повысить общий, совокупный доход.

Вымогательство практикуется чиновниками, обладающими дискреционной (распределительной) властью либо властью препятствовать кому-то в получении лицензии, специальных разрешений или любых других услуг, входящих в компетенцию чиновника. Если чиновник имеет полномочия оценивать сумму надлежащих выплат (например, налогов или пошлин), это также открывает простор для вымогательства. Столкнувшись с вымогательством со стороны государственного служащего, частное лицо оказывается перед выбором: либо дать взятку (что сопряжено с риском разоблачения), либо обжаловать действия государственного служащего

через внутренний или внешний надзорный орган. То или иное решение зависит от того, насколько трудоемка и затратна процедура обжалования, а также не в последнюю очередь от того, насколько гражданин осведомлен о своих законных правах и обязанностях государственного служащего. Сговор возникает при тех же условиях, что и вымогательство, однако отличается тем, что выгоден обеим сторонам и состоит в совершении сделки, наносящей ущерб государству. В сделку, кстати говоря, также могут быть вовлечены и структуры, ответственные за надзор за чиновником.

Парадоксально, но факт: либерально настроенные гуманитарии смогли даже рассчитать экономико-математическую модель некоего «оптимального уровня коррупции». Представляете, есть даже и такой. Не то чтобы бороться по всем фронтам, «не щадя живота своего», с этим не только индивидуальным, но и общественным злом, а постараться и довести его до некоего не просто минимального, допустимого или приемлемого, а именно оптимального уровня. Для сомневающихся людей предусмотрительно заготовлены красочные дидактические графики и диаграммы. Они вроде бы ярко свидетельствуют, что по мере того, как государство стремилось бы искоренить коррупцию, расходы на это малоокупаемое предприятие возрастали бы так, что для полной ликвидации коррупции пришлось бы затратить неподъемные усилия. И вот в связи с этим, сравнивая потери от коррупции и затраты на ее «выкорчевывание» на всех уровнях государственного аппарата, предлагается найти (то бишь исчислить) тот самый необходимый, искомый, «оптимальный уровень коррупции», отражающий наименьшие суммарные потери. По их глубокой и «дальнозоркой» задумке выходит, что для общества просто невыгодно искоренить коррупцию из-за высокой затратности этого процесса. Кроме того – не на шутку беспокоятся они, – чрезмерное увлечение борьбой с коррупцией способно лишить административную систему гибкости, а население – гражданских свобод. Правящая элита, опасаясь они, может использовать карательное законодательство для усиления своего контроля над обществом и преследования политических оппонентов.

Без всяких там прикрас – это их бесподобное, оригинальное ноу-хау – изобретение, достойное патентирования. Правда, морально-воспитательный аспект ими почему-то не учитывается во-

все, равно как и то, что мздоимство, как ржа, разъедает не только душу человеческую, но и остов государственности. Подход «гомеопатических дозировок» тут вряд ли сработает.

Подобного рода «сердобольные» идеологемы весьма, надо сказать, поспособствовали в том числе и тому, что в современной России по самым приблизительным подсчетам объем «рынка» коррупции превышает 240 млрд долларов США. Согласно же оценкам фонда ИНДЕМ, эта сумма еще выше: только в деловой сфере России объем коррупционных услуг вырос между 2001 и 2005 гг. примерно с 33 до 316 млрд долларов. В 2000 г. наша страна находилась на 82 месте в мире по уровню коррупции. А 26 сентября 2007 г. организация «Transparency International» опубликовала свой очередной рейтинг состояния коррупции в мире. Россия занимает в нем уже 143 место из 180, учитывая, что 180-е – это самая коррумпированная страна с рейтингом 2,3 балла. На сегодняшний день коррупцией охвачены и пронизаны все сферы государственной службы: от дачи взяток для поступления ребенка в детский сад, откупа от исполнения воинского долга в вооруженных силах до уровня высших государственных чиновников. Сегодня коррупция является действительно привычной данностью для всех слоев населения. И это, к сожалению, отнюдь не преувеличение, а самая что ни на есть суровая правда жизни, а также, стоит заметить, и наша весьма немалая, постоянно пополняемая и неистраченная злость. Слышишь все это, читаешь все это, смотришь по сторонам, и в душе тлеет угрюмый огонь.

В детективном романе Аркадия и Георгия Вайнеров «Визит к Минотавру» по ходу хитросплетений сюжета одна восторженная аспирантка профессора Полякова (того самого, у кого похитили скрипку Страдивари) по простоте душевной навела старшего следователя Генпрокуратуры Тихонова на мысль, что Минотавр – это вовсе не мифическое быкоголовое чудовище, обитающее в лабиринте Дедала, а сидящее в нас самих наше alter ego – скрытый, темный двойник нашего «Я». Поэтому блуждать по лабиринту в поисках Минотавра – значит не что иное, как витиевато плутать по закоулкам и закуткам человеческой души, то бишь по нашим потаенным и сокровенным чувствам, страстям, эмоциям и мотивациям. А это ой как непросто – это вам любой психоаналитик подтвердит. Не

зря же народная мудрость гласит: «Чужая душа – потемки». Без действенной, путеводной нити Ариадны тут никак не обойтись. А в это время твой собственный, так сказать, «приватный Минотавр» отвлекает, уводит тебя, тянет в болото тщетных страстей и вождлений, грызет и подтачивает.

Среди же дьявольского сонма этих самых тленных, бранных и опустошающих людских страстей и вождлений на одном из первых и почетных мест находится наша человеческая алчность. Жадность и корысть и проявляются раньше, и кончаются позже, и разнообразными соками подпитываются глубже и надежнее, и пестуются и лелеются дольше, чем зорко нами оберегаемая, нежно греемая и тешимая похоть. Так что в свете универсальности и «запущенности» проблемы сакраментальный вопрос «что делать?» должен быть несколько переформулирован и заострен под более философско-прагматическую сентенцию: «что делать с человеческой алчностью?». Вопрос крайне актуальный и не сегодняшнего дня – человечество с ним билось и бьется спокон веку и кое в чем, надо отдать должное, преуспело. Во всяком случае, в понимании проблемы, ее сложности, многоуровневости и многоаспектности, а также в сути провоцирующих и стимулирующих ситуаций ее проявления. Так что с ним (с вопросом этим), как ни тужься, не обойтись без определенного рода «общих мест», избитых истин, а также изрядной доли здравого смысла и жизненной опытности.

Во-первых, еще нашим пращурам было ясно, что алчность – это личное и общественное зло и человеческая пагуба, что она, как гангрена, поедает и индивидуальный, и общественный организм. Что в нас этот «звереныш», притаившись, живет, и «упаси Бог» с ним заигрывать и к нему взывать, а тем более ласкать, ублажать и прикармливать. Вот тогда-то он и превращается из резвого «зверька» в сущего монстра, в Минотавра. Для античных мудрецов, философов было очевидным, что все дело кроется в воспитании и тех социальных условиях, которые этот процесс направляют, обрамляют и пронизывают. Было совершенно очевидно, что суть вопроса заключается в том, какие нравственные ценности, начиная с самых «ранних пеленок», человек в себя впитывает, какие моральные установки, ориентиры и табу ему с первых месяцев жизни взрослые толково, вкрадчиво и неустанно прививают, какие чело-

веческие качества в данном обществе или государстве социализацией культивируются, а какие, наоборот, подавляются, какие черты гражданского характера считаются желательными, предпочтительными, а какие, напротив, скверными, подлыми, неприемлемыми. Сила убеждения – это осмысленная членораздельная речь, показ и пример. Создай качественные, соответствующие условия воспитания, и ты во многом решишь проблему «мальчишей-плохишей». А если, напротив, воспитанием должным образом не заниматься, пускать на самотек, а что еще хуже – поощрять, культивировать своекорыстные, эгоистические, собственнические интересы и инстинкты, то нечего и удивляться, что откуда-то наплодилось целое поколение людей бессердечных, бесстыжих и бессовестных, которые кроме сытого живота и полной мощны никаких для себя целей и задач не видят. Известно же: что посеешь, то и пожнешь. И в этом превеликая мудрость.

Но отчетливое понимание опасности – это еще не все, это только полдела. Спрашивается, как ее избежать? Как организовать социум, какие общественные условия создать, чтобы они на практике не позволяли взращиваться и прорываться из нашей природы, как сорнякам, человеческому эгоизму и алчности? Какой тип государственного правления в этом смысле наиболее целесообразен и эффективен? Подобную обоснованную «рецептуру» дать куда сложнее. Но были и попытки, и, замечу, весьма впечатляющие. В первую голову хотелось бы указать на бесподобное платоново «идеальное государство». Там многое можно взять на заметку, но из того, что взято, в свою очередь, слишком многое для практического использования не подходит. Не зря, не случайно же эта умная, стройная, логически совершенная теория никогда, нигде и никем не была реализована. Даже усилий не предпринималось. Сей «бойкот» осуществился не без участия, надо полагать, самих ошеломленных просвещенных правителей: уж больно они в платоновской концепции во многих естественных отношениях ограничены, обделены и ущемлены. Общественное благо общественным благом, справедливость справедливостью, но так с властью предержавшими нельзя – это немилосердно и негуманно. Что это за государство такое, где самый что ни есть последний крестьянин или ремесленник (а попросту – плебей) живет свободнее, благодуще и воль-

готнее, чем «лучезарная» правящая верхушка?! Иначе как дичь, нонсенс и не воспримешь, пожалуй.

Следует заметить, что утопически-радикальные варианты изжития человеческой алчности как основного, ведущего средства борьбы с мздоимством концепцией «идеального государства» Платона не исчерпываются. Была даже целая блистательная плеяда социалистов с их в высшей мере оригинальными теоретическими построениями: Т. Кампанелла, Т. Мор, Ж. Ж. Руссо, А. Сен-Симон, Р. Оуэн и др. А как не вспомнить в этой связи К. Маркса и Ф. Энгельса с их теорией коммунизма? Уже ясно, что в ней никак не предполагалось места ни человеческой алчности, ни мздоимству! Для этого просто не было бы никаких объективных условий и никаких объективных предпосылок. А как не вспомнить в этом плане наиболее выдающихся из наших отечественных марксистов – Г. В. Плеханова и В. И. Ленина – с их теорией диктатуры пролетариата и социалистического государства?! И вы знаете, что на поверку высветилось: диктатура большинства в самом деле оказалась поразительнейшим по своей эффективности средством кардинального снижения коррупции. Причем не до какого-то там «оптимального уровня», а решения проблемы настоящим и должным образом – до ее полного уничтожения.

Рассуждая о мздоимстве, как не помянуть добрым словом и ригористическую кантианскую этику – этику долга. Не случайно она, как известно, прижилась именно в лютеранских странах. Строгость и педантичность во всем, что касается исполнения долга, – это краеугольный камень их уклада жизни и трепетно чтимая и оберегаемая традиция. Кант, помнится, выводя априорное, ни от какого эмпирического содержания не зависящее определение «нравственного закона», доказывал, что искомое определение может быть чисто формальным. Оно не может и не должно заключать в себе никакого указания на действительное содержание мотивов и интересов, которыми человек обычно руководствуется в своих действиях, дабы не лишиться своего безусловного значения. Именно таким определением, по его мнению, является формула категорического императива: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла быть вместе с тем и принципом всеобщего законодательства».

Звучит, конечно, мудрено, но смысл предельно очевиден и для понимания вовсе не сложен. Кант как бы обращается с призывом:

прежде чем поступить оным образом, подумай: а ты хотел бы, чтобы образец такого поступка был «принципом всеобщего законодательства»? Например, обстоятельства так складываются, ситуация такова, что весьма располагает к вашей лжи. Так вот прежде чем солгать, Кант призывает задуматься: а ты бы хотел, чтобы ложь была «принципом всеобщего законодательства»? То есть чтобы ложь была нормой: сегодня ты солгал, завтра тебе солгут. Или, скажем, у тебя «глазенки горят», «ручонки чешутся» на чужое добро. Так вот прежде чем украсть, неплохо бы задуматься: а ты бы хотел, чтобы воровство было «принципом всеобщего законодательства»? То есть нормой: сегодня ты украл, завтра у тебя украдут. Приходится, правда, констатировать, что это отнюдь не ново на горизонте нравовоспитательской нивы: приблизительно за двадцать три столетия до Канта примерно тому же учил Конфуций, формулируя свое «золотое правило поведения» – «поступай с другими так, как ты хотел, чтобы поступали с тобой».

Нам же важно другое: для нас этот скроенный по западноевропейскому образцу «кафтанчик» не по плечу – узковат, жить в нем невозможно, дышать нечем. У нас удаль, широта души, свистопляска по праздникам и угрюмое похмелье, периодически перемежающееся с идущим откуда-то из глубин желанием порассуждать на вечные философские темы, жажда простора и вольницы. Это к концу жизни, наверное, понял и наш великий реформатор Петр I, хотя весь свой монарший срок тем и занимался, что пытался переломить через колено хребет русского традиционного миробытия. Удалось, прямо скажем, не очень, хотя топором «окно в Европу», будем справедливы, действительно прорубил. На западноевропейца вообще, а на лютеранина в особенности сакраментальная для них фраза «Это закон» действует почти магически и даже где-то «парализующе» гипнотически. На россиянина же она в своем подавляющем большинстве действует, напротив, провоцирующе-дразняще и распаляюще: «Это закон? Ну и что дальше?» А завершаться она может «под аккорд» логически безупречного умозаключения, искусно приправленного ботанической иронией: «Если законы “дубовые”, то и исполнение их “липовое”».

Чтобы наглядно уяснить себе разницу мирозерцания и видения своего места в этом мире (или, как принято сейчас говорить,

разницу менталитета), представьте следующее. Мне приходилось бывать в Германии, поэтому я с полным правом свидетельствую: город, поздний вечер, гражданин куда-то очень торопится, машин на перекрестке нет, насколько видит глаз – ни слева, ни справа; так вот, этот человек встанет, как вкопанный, на красный сигнал светофора, дождется зеленого и скоренько-скоренько помчится по адресу. Вот они – вековые традиции законопослушания во всей своей красе. Именно лютеранские страны, между прочим, с их верховенством педантичности, долга и дисциплины всегда славились своими отменными, вышколенными армиями. Вояки действительно были бравые, чего там скрывать. Но мы их всякий раз в пух и прах били, хотя и победы доставались нам очень дорогой ценой.

Нет сомнения в том, что, как свидетельствует опыт сталинского Советского Союза, патриотическое воспитание способствует резкому снижению коррупции. Если к чувству локтя товарища по свершениям присовокупляется чувство восторга по отношению к харизматическому лидеру, ставшему символом нации, то тогда можно «горы сворачивать».

В отношении же любви к Родине, большой и малой, ограничусь одной, но принципиальной для меня ремаркой. Бывает, конечно, и так, что она совсем не значит «березки целовать», и что ее, Родину, «можно любить, но горько любовью», но при этом хотелось бы заметить лишь следующее. Мы жили, жили, жили и дожили до того, что еще совсем недавно публично рекомендоваться патриотом своей Отчизны было чуть ли не моветоном. Среди как бы элиты 90-х гг. и в среде определенной части приниженной и обокраденной интеллигенции в ходу, моде и цене были космополитические идеи. Бывшие «подпольные» и «кухонные» антисоветские кружки по причине исчезновения объекта издевок и нападок быстро перекаленились и оформились в официальные ячейки западноевропейского либерализма и космополитизма. Надо сказать, они добились определенных результатов. «Своя рубашка ближе к телу» и «Моя хата с краю» – это понятно каждому либералу. «Я, мне, мое» – это центр Вселенной. Далее идет ближний круг – круг ближайших родственников. Далее – круг просто родственников. Далее – круг близких друзей. Далее – круг просто друзей. Далее –

круг профессионального общения и т. д. Данная стартовая очередность может индивидуально варьироваться, но общенациональные интересы, по логике, могут быть на месте этак 12-м. Лозунг космополита: «Я не принадлежу какой-то одной стране, я – человек мира». Сочетание «либерал-космополит» встречается очень часто. Кто не верит, может спросить у либерала, в каком государстве он хранит свои трудовые сбережения. Вообще надо сказать, наши современные космополиты усовершенствовались, приспособили римское «*omne solum liberum patria*» («всякая свобода – отечество свободного человека») в более для себя удобное: «Где сыто и тепло, там и отечество». И еще добавлю: если верно, что патриотизм – последнее прибежище негодяя, то космополитизм – первое.

К слову сказать, два государства, не только весьма преуспевшие в борьбе с коррупцией, но и добившиеся в этом деле первенствующих на нашей планете результатов – Сингапур и Швеция, – как нельзя более удачно вписываются в нашу схему анализа. Сингапур, к примеру, одолел свою неимоверно разросшуюся коррупцию почти исключительно благодаря предельному ужесточению карательных мер и принципу неотвратимости наказания. У Швеции же в ее стратегии противостояния коррупции была иная опора: мы помним, что она – лютеранская страна с чрезвычайно сильной традицией профессиональной деонтологии, в том числе и чиновничьей. Так что ей не составило большого труда, существенно повысив оклады чиновникам и устрожив этические стандарты, в достаточно короткий срок добиться, чтобы честность и исполнение долга стали приоритетной социальной нормой для бюрократии.

Философские рассуждения по проблеме коррупции, «заточенные» естественно возникающим вопросом «что делать?», разумно, уместно и целесообразно заканчивать практическими предложениями и рекомендациями, что я не премину и сделать. Тут тоже не обойтись без «избитых истин» – они большей частью известны, – но если уж «повторение – мать учения», то в данном случае оно может стать и «матерью» безопасности. Да и к тому же кое-что, может, проглянет и новенькое. А вообще, нужно исходить из того, что экстренная и экстраординарная ситуация требует и мер экстренных и экстраординарных.

Во-первых, настоятельно требуется значительное сокращение после продуманной и тщательной инспекции по всем министерствам, ведомствам, всем субъектам РФ, всем городским и муниципальным образованиям общего числа чиновников. Следует исключить всякое дублирование, пересечение и «перехлест» функций как по вертикали, так и по горизонтали. Это ведь уму непостижимо: в современной демократической России с рыночной экономикой, заметно урезанной в сравнении с СССР как по территории, так и по населению, двукратное увеличение количества чиновников! Вот и кляни после этого командно-административную систему регулирования экономики!

Во-вторых, настоятельно требуется проведение по всем властным вертикалям и горизонталям скрупулезного и взвешенного анализа на предмет существенного сужения дискреционных и разрешительных полномочий и функций бюрократии.

В-третьих, после проведенной оптимизации штатов необходимо изыскать возможность повышения «в разы» заработной платы госслужащим. Целесообразно введение по каждому министерству «ведомственных тарифных сеток» – своеобразного 12- или 18-разрядного «табеля о рангах», в которых коэффициент низшего разряда брался бы не от установленного МРОТ, а из расчета прожиточного минимума с соответствующими инфляционными индексациями. Не верьте тем, кто утверждает, будто бы увеличение зарплаты автоматически не ведет к значительному снижению коррупции. Ведет, автоматически и к значительному – не такому, естественно, как хотелось бы, но все же заметному. Во всяком случае, не может не усиливать опасение потерять хорошо оплачиваемое место, а следовательно, не может не урезонивать тягу взимать «административную ренту».

В-четвертых, проанализировать возможность в качестве текущего контроля и профилактических превентивных мер с определенного уровня, соответствующего высшим категориям государственных служащих, прохождения претендентам и де-факто занимающим эту должность проверки на детекторе лжи. Скажем, в вузе это может быть уровень начиная с заведующего кафедрой и заканчивая ректором. Перед голосованием и утверждением на Ученом

совете, перед подписанием очередного контракта всем претендентам предлагается пройти данную процедуру. Информация об отказавшихся также должна доводиться до членов Ученого совета со всеми вытекающими отсюда выводами. Периодичность обязательной проверки уже состоящих на должности может быть, скажем, раз в год. Понимаю, что это эмоционально-психологически тягостное предприятие и что оно отчасти ущемляет права человека, но его можно расценивать как временную, вынужденную меру социальной защиты. Это бы, без сомнения, кроме всего прочего чрезвычайно способствовало и тому, что лица, прошедшие данную малоприятную процедуру, стали бы как никогда бдительными, зоркими и нетерпимыми к «шалостям» своих подчиненных.

В-пятых, неуклонно продолжать политику гласности, открытости и нетерпимости в отношении злоупотребления госслужащими своим служебным положением. Отслеживать и поощрять публикации в СМИ, вскрывающие факты коррупции на всех этажах государственного аппарата. Обеспечивать организационно и финансово, а также неустанно рекламировать работу особых горячих линий, специальных сайтов, блогов и т. п.

В-шестых, правоохрнительным органам оперативно реагировать на все выявленные в СМИ эпизоды коррупционной деятельности и тщательнейшим образом верифицировать их достоверность. В случае подтверждения прокуратуре надлежит доводить до суда все заведенные уголовные дела, невзирая на лица, регалии и должности. Было бы крайне целесообразным в результате успешного расследования проведение публичных, открытых, широко освещаемых центральными СМИ судебных слушаний по наиболее резонансным коррупционным злоупотреблениям должностными лицами высшего звена. Это было бы и по-людски справедливо, и пропагандистски верно, и в превентивном плане значимо, и давало бы нужный, недвусмысленный сигнал всем государственным структурам, что центральная власть наконец-то взялась за коррупцию не на словах, а на деле. Эффект, уверяю вас, был бы потрясающий.

В-седьмых, продолжать и совершенствовать практику обязательного ежегодного декларирования доходов чиновников и чле-

нов их семей, в том числе несовершеннолетних детей. Совершенство должно состоять в том, чтобы декларировались доходы не только несовершеннолетних, но и юридически дееспособных наследников. Понимая существо возможных возражений, все же непреклонен в том, что если уж «дальновидный» коррупционер ухитрился перевести на своего несовершеннолетнего ребенка пакеты акций, банковские счета, самолеты, яхты, виллы, то уж тем паче догадается и сможет договориться со своим совершеннолетним отпрыском о подобного рода «фамильной» услуге.

В-восьмых, суть работы всех компетентных надзорных органов должна руководствоваться безусловностью принципа неотвратимости наказания за преступление закона. В зависимости от степени тяжести нанесенного государству ущерба должен ставиться и решаться вопрос о мерах пресечения свободы подозреваемого и конфискации имущества после вынесения обвинительного приговора.

В-девятых, в подразделениях государственной службы продумать необходимость возобновления работы товарищеских судов, судов чести, «корпоративных судов» и т. п. По линии министерств и ведомств (там, где этого еще нет) заняться выработкой соответствующих профессиональных нравственных кодексов по аналогии с кодексом бусидо, военной присягой, клятвой Гиппократы, моральным кодексом юриста, педагога и т. д. Там же, где он уже выпестован и сформулирован, настоящим образом взяться за его неукоснительное претворение в жизнь. Соблюдение чести и достоинства должно читаться как высшее нравственное проявление и служить примером для подражания. Зарекомендовавшие себя оным образом непременно должны поощряться. Формы и размер поощрения могут быть весьма переменчивы.

Ну и, наконец, в-десятых, изыскать возможность не только разовых премий и поощрений для наиболее отличившихся в деле исполнения долга сотрудников, но и учредить по каждому министерству и ведомству соответствующие ежемесячные надбавки к зарплате по статьям «за 10-летнюю безупречную службу», «за 20-летнюю безупречную службу», «за 30-летнюю безупречную службу» и т. д.

Таким образом, комплексом превентивных, карательных и поощрительных мер постараться, пока законопослушание и исполнение долга не стало общепринятой социальной нормой, на многих примерах подтверждаемой, культивируемой заинтересованностью постепенно трансформировать, «переродить» алчность в тщеславие, честолюбие и тягу к карьерному росту. Это, конечно, хуже, чем совесть, долг и разум, но все же лучше, нежели корыстолюбие и тяга к мздоимству. А там, глядишь, и ободряющая максима «береги честь смолоду» перестанет быть насмешнической издевкой и пустым звуком, а превратится в верный и прочный жизненный императив.